

А. Н. Чубинский (Москва)

ОБ ОРУЖИИ, САМОВОЛЬНО ВЗЯТОМ МОСКОВСКИМИ СТРЕЛЬЦАМИ НА ПУШЕЧНОМ ДВОРЕ 18 СЕНТЯБРЯ 1682 ГОДА

В архиве Оружейной палаты XVII в. хранятся несколько документов, которые в совокупности рисуют исключительно интересную картину учета, хранения и перемещений боевого оружия, находившегося на балансе этого учреждения в начале 1680-х гг. В четырех столбцах описаны разновременные события, в том числе имеются разнообразные сведения, тематически далекие от истории оружия. В силу чего эти документы невозможно расположить в порядке их формальных датировок, в такой последовательности они не сложатся в связное и логичное повествование, как, впрочем, и в любом другом порядке. Поэтому мы начнем наше исследование с разбора наиболее краткого столбца, датированного 1 мая 1683 г.¹

В нем сообщается о плате московским извозчикам за транспортировку с Пушечного двора на «двор боярина Никиты Ивановича Романова» внушительного количества строевого вооружения – 9040 карабинов с перевязями и 8982 пар пистолетов с ольстрами. Московский двор Н. И. Романова (чье имущество после смерти в 1654 г. отшло в казну) в указанное время находился на балансе Оружейной палаты и использовался, в частности, как складской комплекс². Остается неясной причина, по которой упомянутое оружие хранилось на Пушечном дворе. При этом в другом документе, представляющем собой разрозненные росписи жалования разным мастерам Оружейной палаты и Ствольного приказа 1681–1682 гг., также имеются свидетельства о передаче на склады артиллерийского ведомства оружия со двора Н. И. Романова в 1682 г.: «190-го марта в 31 день... жалования... Приказа Ствольного дела станочным мастером, которые

работали на дворе боярина Никиты Ивановича Романова, с полат снег сгребали, и у дозорщика у Андрея Артемьевича в полатах из сундуков ружье выбирали, и клали в стойла и на грятки, ольстра цепляли... и таскали сундуки и возили на Пушечной двор... 190-го мая в 14 день... станочного дела мастером, которые... ис полат выносили... сундуки с ружьем и с ремнями и возили на Пушечной двор»³.

Ситуацию проясняет точно не датированный документ 1683 г.⁴, ссылающийся на указ царя Федора Алексеевича «прошлого» 1682 г. Согласно этому указу, в 1682 г. на Пушечный двор со «двора боярина Никиты Ивановича Романова» было перевезено «2000 мушкетов новых з галанскими замками, станки новые ореховые; 150 мушкетов з жагры, оправы медные; 6500 пар пистолей и карабинов, и в том числе половина с медными оправы, а другая з железными; 3395 пар ольстр пистольных; 6500 ремней карабинных, крюки новые; 13 480 стволов мушкетных старых починошных; 1500 стволов карабинных». Далее следует ссылка на указ «великих государей» Ивана и Петра Алексеевичей «нынешнего» 1683 г., который обязывал Пушкарский приказ передать в Оружейную палату «9314 карабинов с перевязьми и с крюки и с пряжки, 8982 пары пистолей с ольстры»⁵. В этом документе причинно-следственная связь между передачей оружия из Оружейной палаты в Пушкарский приказ и возвращением обратно также неясна. Но точное совпадение количества пистолетов в этом документе и в приведенных выше данных о перевозке оружия 1 мая показывает, что речь идет об одной и той же группе оружия. Следовательно, описываемый документ должен быть датирован временем до 1 мая 1683 г., когда московским ямщикам были выданы деньги за транспортировку описанного вооружения. К финальной части этого документа мы вернемся ниже, а развернуть историю перемещений оружия нам позволит еще один, наиболее интересный для рассматриваемой темы столбец, который выявляет широкий исторический контекст описываемых событий и прочно увязывает между собой все цитированные документы.

Это память, присланная из Пушкарского приказа в Оружейную палату от 19 мая 1683 г.⁶ В преамбуле указывается, что в 1682 г. указом царя Федора Алексеевича Пушкарский приказ был подчинен Оружейной палате, а двор боярина Никиты Ивановича Романова, в свою очередь, был выведен из

управления Оружейной палатой и передан братьям царевны М. М. Апраксиной. Вследствие этих перестановок большое количество боевого оружия, хранившегося на дворе Н. И. Романова и, очевидно, находившегося на балансе Оружейной палаты, было перевезено в «каменные амбары» на территории Пушечного двора – 2242 мушкета и 6550 «служеб рейтарского ружья», т. е. комплектов, включающих карабин и пару пистолетов. Амбары были опечатаны печатью дозорщика Оружейной палаты Андрея Сведенгребля (в других документах он именовался Андреем Артемьевым)⁷. Однако 26 февраля 1683 г. Сведенгребль зафиксировал, что печати на амбараах с оружием были сняты и заменены на печати Пушкарского приказа. При пересчете в амбараах оказалось 1223 мушкета и была выявлена заметная недостача оружия: «недостало тысячи девятинатцати мушкетов, рейтарского ружья разломано три сундука, а в них по счету недостало пятидесяти двух пар одного пистоля»⁸. В отношении недостающего вооружения в Пушкарском приказе был начато расследование, затрагивающее также причины снятия печатей дозорщика. Бывший пушкарский голова и другие служащие приказа были допрошены, они уточнили, что Сведенгребль перевез оружие на Пушечный двор в Великий пост 1682 г., и до начала осени того же года оно хранилось без экспедитов. Однако «сентября в 17 числе было на Москве смутное время», – стрельцы, солдаты и пушки вскрыли амбары и самовольно вооружались, правда, большей частью оставляли расписки за взятые ружья. Очевидно, служащие Пушкарского приказа не могли препятствовать происходящему, но сумели придать «раздаче» оружия хоть сколько-то организованный характер, а после ухода бунтовщиков заперли амбары и опечатали их «государевою печатью... которою печатью всякая казна печатаетца на Пушечном дворе». По их подсчетам, всего было роздано 1529 мушкетов воинам десяти полков.

Здесь необходимо сделать отступление и прояснить ситуацию сентября 1682 г. Самочинное вооружение надворной пехоты на Пушечном дворе описано во многих источниках. Например, книжник Сильвестр Медведев в своих воспоминаниях писал так: «Служивыя же в Москве начата крепитися и во осаде сидети готовитися. Разобрали же себе и роздавали многим людем из государевы казны ружье: мушкеты, и карабины, и копия, — и пороховую казну, и пушки с Пушечного двора по местам причинным... и по своим приказом розвозили»⁹. Согласно записям

Разрядного приказа, «сентября в 18-м числе... великим государям ведомо учинилось, что... во всех полках учали чинить зборы ратным обычаем и ходить в города и везде с копьи и со всяким ружьем, и с Пушечного двора пушки розвезли к себе по полкам, а иные ввезли в Кремль»¹⁰. В челобитной солдатского полка Р. Жданова значится, что «в нынешнем де во 191-м году сентября в 20 день... в полку де у них... учинился страх и сумнение, и они де взяли без... указу с Пушечного двора четыре пушки, 200 карабинов, осматривать мушкетов галанских, сто железец долгих спис, свинцу двенадцать пуд, фетилю семь пуд»¹¹.

Непосредственной причиной возбуждения стрельцов была казнь их лидера князя Хованского, состоявшаяся 17 сентября в подмосковном селе Воззвиженском. Вот как описывают свои действия стрельцы в повинной челобитной: «Мы, холопи ваши, взяли из ваше великих государей казны с Пушечного двора ружье без... указу для того, что вестно нам... учинилося во все полки из троецкого похода из села Воззвиженского от... князь Ивана Хованского... в нынешнем во 191-м году сентября против 18-го числа приехал... князь Иван к Москве из вашего великих государей походу из села Воззвиженского и сказал, что бутто отца ево, князь Ивана, взяли в селе Пушкине люди боярские... казнили бутто без вашего великих государей указу. Да нам же... окольничего Павла Языкова сын Григорей Языков сказывал... чтобы во все полки дати ведомость, бутто нас, холопей ваших надворную пехоту, бояре Одоевские и Голицыны хотят со многим собранием рубити, и чтобы мы засели в Москве... А по дорогам де стоят всяких чинов люди боярские с ружьем и хотят ити к Москве на нас, холопей ваших, боем, и дворишки наши пожечь»¹².

Как видно из челобитной, стрельцы узнали о смерти Хованского 18 сентября. В действительности, и другие источники подтверждают, что оставшийся в живых сын князя Ивана Андреевича оказался в Москве лишь в ночь с 17 на 18 сентября¹³. Эти данные заставляют думать, что служащие Пушкарского приказа в своих показаниях ошибочно отнесли визит стрельцов к 17 сентября, во всей видимости, спутав его с днем казни И. А. Хованского.

Вряд ли можно однозначно определить мотивы стрельцов в момент реквизиций оружия в Пушкарском приказе. Безусловно, сочетание известия о гибели их лидера и дезинформации о подготовке силового подавления бунта вызвало у них панику. Вот как

описывает их эмоциональное состояние Сильвестр Медведев: «Служивыя зазваниша в набатныя колокола, опасающиеся, яко их бутто хотя пришедше боярские холопи рубить до... младенца и слободы их жечь... и вси быша в недоумении и во ужасе быша, не ведяще что сотворити, зане начальника своего лишишася»¹⁴. Согласно Медведеву, стрельцы заимствовали оружие на казенных складах для самозащиты, опасаясь расправы. Несколько другую версию излагает А. А. Матвеев, с его точки зрения, стрельцы, «услышав же князьям Хованским и выборным учиненную казнь, все во един голос закричали: пойдем все сами и побьем бояр всех, и прочая тому подобная»¹⁵. То есть стрельцы собирались не защищаться, а нападать. Так или иначе, в обоих случаях им было необходимо спешно вооружаться. При этом оставленные ими расписки о реквизициях оружия с царских складов¹⁶ показывают, что стрельцы старались оставаться в рамках правового поля и считали свои действия вынужденным ответом на форсажорные обстоятельства.

Характерно, что позднее «того смутного времени» те же стрельцы, солдаты и пушкари возвращали взятое оружие на Пушечный двор в обмен на свои расписки. Впрочем, эти действия нельзя назвать добровольными. З октября 1682 г. стрельцам был зачитан царский указ, где им было обещано прощение, при соблюдении ряда условий. В числе оговоренных «статей», стрельцы были обязаны вернуть самовольно взятое оружие, в том числе «всякие... запасы, которые они взяли с Пушечного двора и розвезли к себе по полком, тако же ружье, и зелье, и свинец, и фетиль, которое они взяли из их государские казны себе и раздали розных чинов людем»¹⁷.

Проблемы с возвращением ручного оружия, захваченного стрельцами, начали решаться еще осенью 1682 г. Так, в Разряде, скорее всего, на основании тех или иных документов из Пушкарского приказа были составлены списки оружия, взятого стрельцами десяти полков, а также одного солдатского полка: «Список с росписи, что чего в казну великих государей... ис полков надворные пехоты октября по 30-е число не доставлено. Генерала думного Агеева полку Алексеевича Шепелева 203 карабина с перевезьми, 81 мушкет, 260 капральств банделер, 88 копей списных. Стольников и полковников Родионова полку Жданова 2 капральства банделер, Никитина полку Глебова 104 мушкета, 20 карабинов...»¹⁸. Но лишь к концу зимы 1683 г.

выяснилось, что часть присвоенного стрельцами оружия принадлежала Оружейной палате.

Возвращаясь к описываемому нами документу, коротко укажем его финальные пункты. 29 марта 1683 г. голова Пушкарского приказа составил роспись имеющегося и утраченного оружия. Okазалось, что из числа возвращенных стрельцами мушкетов примерно половина происходит из Оружейной палаты, а другая часть исходно находилась на балансе Пушкарского приказа. Небольшую часть утраченных мушкетов удалось «донять» в двух стрелецких полках через Стрелецкий приказ. Итог расследования был таков: отыскать утраченные мушкеты и пистолеты невозможно, а наличествующее оружие необходимо передать в Оружейную палату.

Отметим неясности с приводимыми в документах подсчетами ружей, фигурирующих в документах 1682–1683 гг. Непонятно, почему в мае 1683 г. на двор Н. И. Романова вернулось в полтора раза больше комплектов рейтарского оружия (карабинов и пистолетных пар), чем было перемещено из Оружейной палаты весной 1682 г. Думается, что нам остается неизвестной часть перевозок оружия между складскими помещениями Оружейной палаты и Пушечного двора 1682–1683 гг., а в описанных нами документах дается ссылка лишь на прецедентное первое перемещение двух тысяч мушкетов и шести с половиной тысяч «служб» рейтарского оружия на Пушечный двор (как мы видели выше, трансфер осуществлялся по меньшей мере в два этапа 31 марта и 14 мая). Также мы не знаем, когда было возвращено на склады Оружейной палаты остальное оружие, в том числе «доимочные мушкеты», а также мушкетные и карабинные стволы. Нельзя исключить, что среди перемещенных на двор Н. И. Романова 1 мая девяти тысяч комплектов «рейтарского ружья» было оружие, исходно принадлежавшее как Оружейной палате, так и Пушкарскому приказу.

Вернемся, однако, к описанному ранее столбцу из архива Оружейной палаты, в котором сообщаются исключительно интересные сведения о превратностях в жизни приказной системы. После изложения указа о перевозке оружия из Пушкарского приказа в Оружейную палату следует ремарка: «А где то ружье... положить... указу о том нет», а также приводится предыстория складских помещений для оружия¹⁹. Выясняется, что если до 1681 г. оружие хранилось в Верхних палатах непосредственно над

приказным офисом Оружейной палаты в Кремле, то следуя царскому указу от 15 июня 1681 г., «всякая оружейная казна» была перемещена в другие помещения тех же палат, а «в тех Верхних полатах велено было делать резного и столярного дела мастером церковные иконостасные и всякие ево великого государя дела по наряду из Приказу Большого дворца». Традиционное место хранения оружия вернулось под крыло Оружейной палаты в 1683 г., однако, к этому времени уже не могло использоваться по прежнему назначению. В результате двухгодичного управления приказом Большого дворца в Верхних палатах были уничтожены «станки» (стеллажи) для укладки оружия, и царила общая разруха: «И с тех Верхних полат станки, в которых лежало ружье, выломаны и с переходов ростасканы на поварни и позжены. И как те полаты после очистки в Оружейной полате были не ведомы, и из них кирпичной пол и из окон затворы железные выношены неведомо куды»²⁰. Далее приводилась смета ремонта Верхних палат. К сожалению, окончание этого документа утрачено.

Возвращаясь к оружейному контексту, постараемся ответить на ряд следующих вопросов. Каково происхождение вышеописанного пехотного и кавалерийского стрелкового оружия? Каковы его технические данные? Могли ли сохраниться в музеиных собраниях какие-либо предметы из числа упомянутых?

В цитированной выше челобитной солдат полка Жданова среди «взятого без указу с Пушечного двора» оружия значилось «200 карабинов, османнать мушкетов галанских»²¹. «Голландский мушкет» здесь может означать как страну изготовления оружия, так и ссылку на характерный механизм кремневого замка. Напомним, что исходно на Пушкарский двор было перевезено 2242 «мушкета новых немецких з галанскими замками, станки ореховые» или же, по другому подсчету, «2000 мушкетов новых з галанскими замками, станки новые ореховые». Наиболее вероятно, что «голландскими» здесь названы замки, принадлежащие к французскому типу. Известно, что в 1657 г. царь Алексей Михайлович заказал через коммерсанта Ивана Гебдена покупку «пистолей надежных, замки резные галанские о дву взводах»²². В этой цитате примененный к замкам эпитет «голландские» означает не их происхождение, а конструкцию. «Два ввода» – характеристика, применимая в этом контексте только к французским (или батарейным) замкам²³, наиболее прогрессивной характеристикой которых была лодыжка с двумя вырезами,

соответствовавшими боевому и предохранительному взводам курка. Таким образом, партия мушкетов, пребывавшая в 1682 г. на складах Пушечного двора, наверняка имела замки французского типа. Так как ложи мушкетов были вырезаны из ореха, это исключает их русское происхождение. Скорее всего, эти мушкеты были привезены в Россию голландскими коммерсантами, но, возможно, и немецкими. То, что оружие названо «новым», вполне согласуется с наличием современных замков; вероятно, это был привоз начала 1680-х гг. (в то же время поставки фитильного оружия еще не вполне прекратились, например, в 1681 г. «торговой иноземец Илья Ильин сын Табарт» поставил в казну «800 мушкетов з жагры амстрадамских»²⁴).

К сожалению, группа в две тысячи мушкетов с французскими замками и ореховыми ложами не просматривается в описи Оружейной палаты 1682 г. Об этом мы можем судить по ссылкам на хранившееся в 1682 г. в царской казне оружие в Переписной книге 1687 г.²⁵ В равной степени, в Переписной книге 1687 г. трудно угадать следы «1223 мушкетов з галанскими замками», которые 26 февраля 1683 г. были возвращены на двор Н. И. Романова. С большой вероятностью, за прошедшие годы они были выданы в полки, что косвенным образом подтверждает, что это было наиболее востребованное оружие.

Хранившееся в 1682–1683 гг. на Пушечном дворе «рейтарское ружье», карабины и пистолеты в количестве нескольких тысяч не могли быть изготовлены в Оружейной палате. Очевидно, что и здесь идет речь о зарубежных поставках. В отличие от мушкетов, следы этого оружия мы можем нащупать в описи Оружейной палаты. Единственная крупная группа карабинов в царской оружейной казне в 1687 г. – «Две тысячи шестьсот шездесят один карабин стволы полукруглые, замки барабарские, станки ореховые, оправа железная и медная. В том числе тысяча девять карабинов в починку; цена по рублю по шеснадцати алтын по четыре деньги карабину»²⁶. Это оружие хранилось «у иноземца у Андрея Артемьева [дозорщника Андрея Сведенгребля. – А. Ч.] в Верхней и в Нижней полате». Среди пистолетов в 1687 г. «сверх прежних переписных книг 190-го году объявились в полатах у иноземца у Андрея Артемьева... две тысячи четыреста сорок пар пистолей немецких... замки борaborские, станки ореховые, оправа на станках медная и железная; цена по два рубля пары»²⁷. С большой вероятностью, именно эти группы являются остатками огромной

партии рейтарского оружия (9314 карабинов и 8982 пары пистолетов), перевезенного с Пушечного двора 1 мая 1683 г. Если это наше предположение верно, то кавалерийское оружие из Оружейной палаты также имело замки французского типа («барбарские» или «борабрские»).

Вероятность того, что в современных музеиных собраниях сохранился хотя бы один мушкет или карабин, которые можно было бы связать с событиями 1682–1683 гг., исключительно мала. Тем не менее, упомянутые в одном из цитированных документов «1500 стволов карабинных»²⁸, которые в 1682 г. были временно перемещены на Пушечный двор, вполне вероятно, частично отложились в Музеях Кремля. В Переписной книге 1687 г. они описаны так: «Да у иноземца у Андрея Артемьева в полатах сверх прежних переписных книг триста стволов карабинных глатких и полукруглых и граненых; цена по шти алтын по четыре денги. Да на Бархатном дворе четыреста двадцать семь стволов карабинных; цена по три алтына по две деньги. Да на дворе боярина Никиты Ивановича Романова тысяча сто осмнадцать столов карабинных тулского дела; цена по шти алтын по четыре денги»²⁹. Других столь же обширных групп карабинных стволов, которые можно было бы связать с упомянутыми, в Переписной книге нет. Тульские стволы в современном собрании музея отсутствуют (скорее всего, они были установлены на ложи в период после 1687 г.). Но в Оружейной палате на сегодняшний день хранится 475 тонкостенных голландских стволов, которые по клеймам датируются 1655–1660-ми гг. Это преимущественно амстердамские и маастрихтские стволы длиною 65,5–72 см и калибром 15–16 мм³⁰. Скорее всего, именно эти стволы (или их значительная часть) весной 1682 г. были перевезены со складов Оружейной палаты на склады Пушкарского приказа. Во время бунта они не могли заинтересовать стрельцов ни в мае, ни в сентябре 1682 г., а в 1683 г., очевидно, были возвращены Оружейной палате, поскольку не могли представлять никакой ценности и для артиллерийского ведомства (в его штате не было ложевых мастеров, которые бы собирали стрелковое оружие).

Таким образом, в результате нашей работы было выяснено, что Пушкарский приказ, по меньшей мере с 31 марта по 14 мая 1682 г., подчинялся Оружейной палате, а новые каменные склады Пушечного двора использовались для хранения ручного огнестрельного вооружения. Значительная часть оружия, которое

стрельцы заимствовали на Пушечном дворе 18 сентября 1682 г., как оказалось, состояла на балансе Оружейной палаты и позднее была возвращена этому ведомству. Также нами была выполнена правдоподобная реконструкция стрелкового оружия, реквизированного стрельцами. Можно было бы ожидать, то этим оружием окажутся фитильные мушкеты и колесцовые карабины, однако, на складах хранились наиболее современные пехотные и кавалерийские ружья, а также пистолеты, оснащенные кремневыми замками французского типа.

Приложение

Память из Пушкарского приказа в Оружейную палату об отсылке оружия

18 мая 1683 г.

Лета 7191-го мая в 19 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев боярину и оружейничему Петру Васильевичу Большому Шереметеву с товарыщи в Пушкарской приказ к боярину ко князю Василю Васильевичу Голицыну с товарыщи в память за прописью дьяка Василя Протопопова написано.

В прошлом во 190-м году по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца Пушкарской приказ ведом был в Оружейной полате, а двор Никиты Ивановича Романова велено отдать стольником Петру да Федору да Андрею Матвеевым детям Апраксиным.

И з двора боярина Никиты Ивановича Романова из оружейных каменных анбаров перевезено на Пушечной двор ружья две тысячи двести сорок два мушкета новых немецких з галанскими замками, станки ореховые с медною и з железною оправою, шесть тысяч пятьсот пятьдесят служб рейтарского ружья пистолей и карабинов с медною ж и з железною оправою, и положено было на Пушечном дворе в каменные анбары, и у тех анбаров была печать оружейного дозорщика Андрея Сведенъгребеля.

И в нынешнем во 191-м году февраля в 26 день по указу великих государей велено то ружье с Пушечного двора перевести на двор боярина Никиты Ивановича Романова по-прежнему. И по скаске ево ж андрееве, у тех анбаров, в которых положено

вышеписанное ружье, объявились печати великих государей, и те печати сняты ис Пушкарского приказу. А по досмотру и по щету ево андрееву, в тех анбарех обявилось того ружья и перевезено на двор боярина Никиты Ивановича Романова тысяча двести двадцать три мушкета з галанскими замками, а недостало тысячи девяностати мушкетов, рейтарского ружья розломано три сундука, а в них по счету недостало пятидесяти дву пар одного пистоля. И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы указали о том ружье в Пушкарском приказе розыскав, отписать в Оружейную полату к тебе боярину и оружейничему к Петру Васильевичю с товарыщи, у тех каменных анбаров, в которых лежало ружье, дозорчикову печать кто снял и ружье имал.

И в Пушкарском приказе бывшей пушкарской голова Иван Каржавин, да Пушечного двора подъячие Ивашко Сидоров с товарыщи, да Пушечного двора выборные Фирско Борисов, Мишка Евтифеев, Федка Петров в допросе сказали.

В прошлом де во 190-м году в великой пост из Оружейные полаты з двора боярина Никиты Ивановича Романова оружейной приемщик Андрей Сведенъграбель привез и положил на Пушечном дворе в новые каменные в две полаты ружья: карабины и мушкеты и пистоли. И те анбары замыкал и печатал своею печатью. А в то де число Пушкарской приказ был ведом в Оружейной полате, а пушкарской голова был Семен Дмитреев. И то де ружье за тою ево андреевою печатью и у тех анбаров замки и печати были целы сентября по 17 число нынешняго 191-го году.

А сентября де в 17 числе было на Москве смутное время. И в то де время приходили на Пушечной двор розных полков московские стрельцы, и салдаты, и пушкари, и пушкарского чину, и у тех анбаров те замки и печати оружейного приемщика Андрея Сведенъграбеля збили и печати сорвали и с тех полат ружье имали многое с роспискою и без росписок насильно при нем Иване и при подъячих, и при выборных.

А те де полаты, в которых из Оружейные полаты оружейной дозорщик Андрей ружье клал сентября с 17 числа нынешняго 191-го году, запечатали они государевою печатью арлом, которою печатью всякая казна печатаетца на Пушечном дворе, по приказу головы Ивана Каржавина, потому что те полаты после стрельцов и пушкарей стояли бес печатей. И после де того

смутного времени те стрельцы и пушкари, и салдаты по тем роспискам то ружье на Пушечной двор приносили к ним же, голове и к подъячим, и к выборным. А что по тем роспискам того ружья во взятое было, и тому они подали те росписки в Пушкарском приказе. А по тем роспискам разных полков московских стрельцов, и салдат, и пушкарей, того ружья во взятое с Пушечного двора в десять полков тысячеса пятьсот двадцать девять мушкетов приему Оружейные полаты и Пушкарского приказу. И по росписи головы Ивана Каржавина марта 29 числа нынешняго 191-го году, какову он подал в Пушкарском приказе после смутного времени, в приеме Оружейные полаты семьсот тридцать мушкетов, а за тем, по той же ево иванове росписи, тех мушкетов донять на дву полках: Семенова полку Расловлева четыре мушкета, Федорова полку Головленкова девять, всего тридцать мушкетов. И о взятое доимочных мушкетов в Стрелецкой приказ подана с быним доимочным ружьем и со всякими полковыми припасы роспись, а достальне семьсот восемьдесят шесть мушкетов Пушкарского приказу и наличные семьсот тридцать мушкетов Оружейные полаты ныне лежат на Пушечном дворе в анбаре. А рейтарского ружья против памяти Оружейные полаты пятидесяти дву пар одного пистоля да двусот семидесяти шти мушкетов по роспискам разных полков московских стрельцов и салдат и пушкарей во взятое и по допросу головы Ивана Каржавина и выборных и пушкарских подъячих не объявились. И где то ружье ныне, того розыскать неким.

И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы указали по тому розыску наличное ружье семьсот тридцать мушкетов ис Пушкарского приказу отослать в Оружейную полату к тебе боярину и оружейничему к Петру Васильевичю с товарыщи. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев боярину и оружейничему Петру Васильевичю Большому Шереметеву с товарыщи о приеме того ружья учинить о том по указу великих государей.

На обороте Л. 8 подпись: «Писал Петрушка Усталков».

На обороте Л. 1 резолюция: «По сему великих государей указу наличные мушкеты принять, а о достальном пропалом ружье выписать в доклад тотчас».

По склейкам листов скрепа: «Дьяк Федор Волков».

Филиграницы – герб Амстердама (Гераклитов А. А. Филиграницы XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. С. 17–18), корона с наметом, на отдельных листах видны срезанные буквы.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21596. Л. 1–8 об. Подлинник.

¹ О выдаче денег извозчикам Абросиму Михайлову с товарищи за провоз с Пушечного двора на двор б. Н. И. Романова ружья карабинов и пистолетов 1 мая 1683. Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 396. Оп. 1. Д. 21367. Л. 1.

² В Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. имеются множественные ссылки на хранение строевого оружия на дворе Н. И. Романова в 1682–1687 гг. См.: Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям думным дворянином А. Ф. Полибиным и дьяком В. Мануиловым в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 1, 12, 321 об., 367 об., 372, 375, 429 об.

³ О выдаче кормовых денег Оружейной палаты станочным мастерам, работавшим на дворе боярина Н. И. Романова. 1681–1682. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20473. Л. 6, 14.

⁴ О перевозе ружей из Пушкарского приказа в Оружейную палату. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21621. Л. 1–2. Строго говоря, документ, составленный в «191 году», мог появиться и в сентябре–декабре 1682 г.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Память из Пушкарского приказа в Оружейную палату об отсылке ружья. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21596. Л. 1–8.

⁷ Дозорщик – служащий Оружейной палаты, который отвечал за приемку, хранение и отпуск в полки боевого оружия. Об этой должности см.: Яблонская Е. А., Орленко С. П. Оружейной палаты дозорщики XVII века // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 28. М., 2018. С. 105–127.

⁸ Там же. Л. 2–3.

⁹ Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92 в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Подг. А. П. Богданов. С. 144.

¹⁰ Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов [Отв. ред. В. И. Буганов]. М., 1976. С. 96, № 63.

¹¹ Там же. С. 101–102, № 63.

¹² Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев. Созерцание краткое лет... С. 159.

¹³ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 179.

¹⁴ Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев. Созерцание краткое лет... С. 141.

¹⁵ Матвеев А. А. Записки // Рождение империи. М., Фонд Сергея Дубова. 1997. С. 397.

¹⁶ Интересно, что стрельцы приходили на Пушечный двор и ранее, на пике стрелецкого бунта 15 мая 1682 г. они «велели у зелейной казны, и у свинцовые, и у фетильные казны печати снять, замки отмыкать», брали боеприпасы в нужных количествах и также оставляли расписки. См.: Восстание в Москве 1682 года. С. 23, № 4.

¹⁷ Там же. С. 105, № 63. Этую же статью дословно цитирует Сильвестр Медведев. См.: Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев. Созерцание краткое лет... С. 164.

¹⁸ Восстание в Москве 1682 года. С. 228, № 175.

¹⁹ О перевозе ружей из Пушкарского приказа в Оружейную палату. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21621. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Восстание в Москве 1682 года. С. 101–102, № 63.

²² Бакланова Н. А., Чекан И. В., Заозерская Е. И. Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. М., 1928. С. 67.

²³ Теоретически «двумя взводами» обладал и средиземноморский замок, но невозможно предположить, что царь Алексей Михайлович именовал бы эту конструкцию «голландской».

²⁴ О приеме в Оружейную палату ружья от иноземца Табарта. 1681. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20241. Л. 1, 3.

²⁵ Переписная книга 1687. Л. 370–375 об.

²⁶ Там же. Л. 362 об.

²⁷ Там же. Л. 429.

²⁸ О перевозе ружей из Пушкарского приказа в Оружейную палату. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21621. Л. 1–2.

²⁹ Переписная книга 1687. С. 367–367 об.

³⁰ Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков [Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль»]. М., 2012. Кат. № 637–1102.